

КРЫЛОВ И ОЛЕНИНЫ

Имя Ивана Андреевича Крылова теснейшим образом связано с именем Алексея Николаевича Оленина — ученого, художника, мецената, первого директора петербургской Публичной библиотеки, президента Академии художеств. Ближайший друг Оленина, Крылов в течение многих лет — почти член его семьи: бывает запросто у него дома, учит детей, играет с ними; он неперенный участник всех оленинских начинаний от домашнего театра до Публичной библиотеки. Летние месяцы он, как правило, проводит в Приютино, загородной усадьбе Олениных, считая ее родным домом. «Теперь собираюсь к себе в ваше Приютино», — пишет он в одном из писем к дочери Оленина Варваре Алексеевне.¹

Тема «Крылов и Оленины» весьма обширна, она включает в себя и личные взаимоотношения в кругу семьи и близких людей, и совместную работу в Публичной библиотеке, и участие в «Беседе любителей русского слова», членами которой были Крылов и Оленин, и сотрудничество на театральном поприще, и участие А. Н. Оленина в издании, особенно в иллюстрировании, крыловских басен.

Такое тесное сотрудничество предполагало и общность эстетических пристрастий, и определенную идейную общность. А между тем в течение долгого времени в советском литературоведении отношения Крылова и Оленина трактовались как отношения поэта и царского чиновника, поэта, естественно, прогрессивного, а чиновника — реакционного, задачей которого было наблюдение за благонамеренностью и лояльностью поэта. Такая точка зрения присутствует, например, в известной книге Н. Л. Степанова из серии ЖЗЛ.²

О том, что Крылов в свои зрелые годы, т. е. годы общения с А. Н. Олениным, уже не был тем вольнодумцем и бунтарем, каким мы знаем его по журналистской деятельности 90-х годов XVIII века, уже написано достаточно. Тем не менее, когда приходится объяснять смысл некоторых басен охранительного содержания, таких, например, как «Сочинитель и Разбойник» или «Конь и Всадник», существует тенденция либо смягчать их охранительный смысл,³ либо возлагать вину на Оленина, как это делает Степанов. Последний отказывает Крылову в искренности, когда речь заходит об этих баснях. «Оставаясь на демократических позициях, Крылов вынужден был (...) в ряде случаев подлаживаться под официальную идео-

¹ Крылов И. А. Сочинения М., 1964 Т. 3 С. 354

² Степанов Н. Л. И. А. Крылов М., 1963

³ См., например Десницкий А. В. Иван Андреевич Крылов М., 1983

логию», — пишет он в «Литературной энциклопедии» †. Думается, для этого нет достаточных оснований.

Хотя в быту Оленины и опекали Крылова, и помогали ему, хотя Крылов мог следовать советам Оленина при издании своих басен (так серьезная перекомпоновка сборника 1825 года, сделанная под влиянием сложных политических обстоятельств этого времени, — история этого издания исследована А. П. Могилянским,⁵ — вполне могла быть результатом советов Оленина), но в своем творчестве — и в пьесах начала XIX века, и в баснях — Крылов оставался столь же независимым, как когда-то в молодости в своей журнальной и театральной деятельности. Когда же мы встречаемся с совпадением взглядов, высказываний, оценок Оленина и Крылова, то это результат действительно общей системы ценностей, а не приспособление, не подчинение взглядов одного взглядам другого. И их дружба — дружба единомышленников и лишена корыстных расчетов.

Переключки во взглядах Оленина и Крылова можно проследить с самого начала их сотрудничества.

Оленин с молодых лет увлекался русской стариной. Он был принят в члены Российской академии за составленный им словарь старинных русских военных речений; созданный им в 90-х годах XVIII века офорт — иллюстрация к пьесе Екатерины II «Начальное управление Олега» — свидетельствует о его интересе к народным обычаям, к национальному костюму; он был решительным противником галломании русского дворянства — все это было очень близко взглядам Крылова, который боролся с галломанией еще во времена «Почты духов».

1806—1807-е годы, когда на сцене петербургского театра с огромным успехом шли высмеивающие галломанию пьесы Крылова «Модная лавка» и «Урок дочкам», — это одновременно годы начала дружбы Крылова с Лениным.

Переключку взглядов Оленина и Крылова можно увидеть и при сравнении их публикаций в «Драматическом вестнике». Так в статье о сравнительных достоинствах английского плуга и русской сохи Оленин, ратуя за нововведения и отдавая должное английскому плугу, принимает его с оговоркой: «Если нам необходимо нужно подражать иностранцам, то должно все, что мы от них занимаем, прилаживать всегда к положению нашей земли, к климату и обычаям нашим».⁶ Незадолго до этой статьи в том же «Драматическом вестнике» была напечатана басня Крылова «Обезьяны» с моралью:

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать,
А без ума перенимать
И Боже сохрани, как худо!

⁴ Краткая литературная энциклопедия М., 1966 Т. 3 С. 855

⁵ Крылов И. А. Басни М., Л., 1956 С. 310—311

⁶ Драматический вестник СПб., 1808 Ч. 5 С. 31

Ряд басен Крылова выражает его скептическое отношение к возможностям науки и просвещения — таковы «Огородник и философ», «Водолазы». Последняя по просьбе Оленина была прочитана в торжественном собрании Публичной библиотеки при ее открытии 2 января 1814 года. Очевидно, сам этот факт мог натолкнуть на мысль о выполнении некоего официального заказа. Именно так истолковал его А. В. Десницкий, утверждая, что Крылов не выполнил заказа и написал не то, что ожидал Оленин.⁷ Но письма А. Н. Оленина к сотрудникам библиотеки, написанные 6 и 7 ноября 1813 года в связи с готовившимся открытием, говорят о другом. Оленин сообщает А. И. Красовскому, Н. И. Гнедичу и И. А. Крылову о 4 темах выступлений, намечаемых им для торжественного акта. И если к первым двум он обращается с просьбой подготовить соответствующие выступления, то Крылова просит прочитать басню, еще летом написанную в Приютине.⁸ Мысль, выраженная Крыловым, совпала с его собственными взглядами.

Существуют противоречивые мнения и о том, как отнесся Крылов к восстанию декабристов.

С одной стороны, создание в годы, предшествовавшие восстанию, ряда басен, резко критикующих произвол властей и цензуры, публикация этих басен в «Полярной звезде» и «Соревнователе просвещения и благотворения», говорят о сочувствии Крылова тем идеям, которые вдохновляли и декабристов. С другой стороны, существует ряд воспоминаний, говорящих об осуждении им восставших.

Вот что пишет Варвара Оленина: «Крылов 14 декабря пошел на площадь к самим бунтовщикам, так что ему голоса из каре закричали: „Иван Андреевич, уходите, пожалуйста, скорей“. И когда он воротился в батюшкин дом, его спросили, зачем от туда зашел, он отвечал: „Хотел взглянуть, какие рожи у бунтовщиков. Да нехороши, нечего сказать“». Нечто подобное рассказывает и М. Е. Лобанов.⁹

В своих комментариях к воспоминаниям В. Олениной А. М. и М. А. Гордины пишут: «В семье верноподданного Оленина очень остро переживали события 14 декабря. Среди участников восстания были добрые знакомые Оленина, посетители его салона; среди людей, причастных к тайным обществам, был сын Оленина Алексей Алексеевич. В ночь после подавления восстания на Сенатской площади Николай I заставил Оленина сопровождать из дворца в крепость арестованных декабристов. На следующий день — 15 декабря — Оле-

⁷ Десницкий А. В. Иван Андреевич Крылов С 118—120

⁸ Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки СПб, 1814 С 17, 148—149

⁹ И. А. Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 71—72, 146

нин в письме к В. А. Олениной назвал участников восстания „подлецами”, а их выступление „злодейством”.

Такого рода представление о восстании 14 декабря, несомненно, имела и В. А. Оленина. В этом духе она интерпретирует и рассказ Крылова о виденных им эпизодах восстания.¹⁰

Воспоминания В. Олениной свидетельствуют о живом интересе Крылова к событиям 14 декабря и о добром отношении к нему восставших. Что же касается отношения к декабристам семьи Олениных и Крылова, то здесь все не просто. Не мог Алексей Николаевич считать подлецами и злодеями ни своего двоюродного брата С. Г. Волконского, ни давних друзей братьев Муравьевых, ни других близких ему людей. Сложные чувства водили его пером 15 декабря.

Чтобы лучше понять их, а также оценить позицию Крылова, обратимся к событиям, случившимся за 4 года до восстания.

В 1821 году Крылов написал сыну А. Н. Оленина Алексею странное письмо. Автограф его был опубликован В. В. Каллашем в 1904 году,¹¹ местонахождение его в настоящее время неизвестно. Письмо это до сих пор не привлекло серьезного внимания исследователей творчества Крылова, хотя его необычный вид, казалось бы, должен был вызвать ряд вопросов.

Весь текст письма, написанный рукой Крылова, состоит из двух басен, «Плотичка» и «Овца»,¹² предваряемых официальным обращением «Милостивый государь мой Алексей Алексеевич» и заключаемых не менее официальным «В прочем имею честь пребывать ваш покорнейший слуга Иван Крылов». Далее следует приписка рукой А. Н. Оленина: «P. S. Любезный автор наш просит тебя убедительно не давать никому переписывать сих басен, ибо он намерен несколько их накопить и потом напечатать. — Друг твой А. Оленин».

Под письмом стоит дата и место отправления: «Приютино... 25. 1821» (оторван клочок бумаги с названием месяца). В начале письма адресат обозначил дату и место получения письма: «Новоржев 3 августа 1821», на основании чего можно установить месяц отправления — июль.

Здесь многое вызывает недоумение.

Во-первых, официальное обращение и подпись. Ко времени написания письма Крылов уже многие годы был ближайшим другом семьи Олениных. Он знал Алексея-младшего по меньшей мере с 8-летнего возраста. Откуда же эта официальность в обращении к молодому человеку (А. А. Оленину в 1821 году было 23 года)? Сравним, например, с его обращением в письмах к замужней Варваре Алексеевне.

¹⁰ Там же С 404

¹¹ Крылов И А Полн собр. соч. СПб., 1904. Т 1 Между С. 194 и 195

¹² Принятое сегодня название «Крестьянин и Овца» появилось позднее, при публикации в «Полярной звезде на 1823 год»

«Как изобразить вам мои чувства, любезнейшая и почтеннейшая Варвара Алексеевна, когда я получил ваше второе письмо!» — так начинается письмо Крылова от 22 июля 1825 года.¹³

Или: «За тридцатью морями, в тридесятom царстве вспомните иногда, любезная и почтенная Варвара Алексеевна, неизменного своего Крылова» — письмо от 1 февраля 1827 года.¹⁴ Никаких «милостивых государынь». Подписи: «Ваш неизменный И. Крылов», «Ваш слуга Иван Крылов», «Простите, будьте здоровы и не забывайте искренно любящего вас Крылова».

Наконец, сравним с еще одним дошедшим до нас письмом к самому А. А. Оленину. «Без очков и без глаз, однако пользуюсь случаем, чтобы напомнить о себе любезному путешественнику, которого с нетерпением ожидаем на родимую сторону» — в этом письме, датируемом январем—февралем 1826 года, Крылов вообще обходится без обращения.¹⁵ И подпись: «Ваш покорный слуга И. Крылов» — без всяких «имею честь пребывать».

Во-вторых, что это за письмо — без всяких сообщений, вопросов, пожеланий и т. п.? Почему Крылов, посылая басни, не счел нужным хотя бы осведомиться о здоровье своего адресата? Разве так пишут близким людям?

В-третьих, почему Крылов сам не обратился к Алексею с просьбой не распространять его басни? Почему от его имени это сделал Оленин-старший?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к содержанию басен. Быть может, они содержат те сообщения, ради которых письмо было послано?

В басне «Плотичка» рассказывается о том, как эта рыбка, шая, вертелась меж закинутых крючков и не внимала предупреждениям опытных подруг о грозящей опасности, пока, наконец, не попала на крючок.

«Овца» — басня о несправедном суде. Ни в чем не повинная Овца пострадала от того, что находилась в одном дворе с зарезанными курами и была обвинена в их смерти. Довод Овцы о том, что «она совсем не ест мясного», судья Лиса во внимание не приняла.

Здесь нужно сказать несколько слов об адресате письма.

Алексей Алексеевич Оленин был в это время офицером Гвардейского генерального штаба и находился в Псковской губернии, куда был послан по делам службы. Одна сторона его жизни до поры до времени оставалась тайной для его родных: он был членом тайного декабристского общества «Союз Благоденствия».¹⁶

¹³ Крылов И. А. Сочинения М., 1946 Т. 3 С. 353

¹⁴ Там же С. 356

¹⁵ Там же

¹⁶ Декабристы Биографический справочник М., 1988 С. 133

Не связано ли содержание басен с теми опасностями, которым подвергался любой член тайного общества? Не содержит ли письмо иносказательного предостережения Алексею Оленину?

Но тогда возникает вопрос: почему предостережение было сделано именно в это время и именно таким способом?

Оленин-старший, хотя сам был не чужд некоторым новым веяниям и хотя в его гостеприимном доме бывали многие члены тайных обществ, был вполне верноподданным царедворцем, успешно делавшим карьеру и при Павле, и при Александре, а впоследствии и при Николае. Невозможно представить себе, чтобы сын посвятил его в свою тайну.

Но незадолго до рассматриваемого события, в мае 1821 года, сведения о «Союзе Благоденствия» дошли до верховной власти.

А. Х. Бенкендорф представил Александру I записку, составленную М. К. Грибовским, полицейским агентом, засланным в «Союз Благоденствия» и входившим в его руководящий орган — Коренной совет. В этой записке, рассказывающей о деятельности тайного общества, назывались его организаторы и руководители, наиболее активные члены. В числе «примечательнейших по ревности» был назван, в частности, Оленин.¹⁷

Таким образом, в мае 1821 года имя Алексея Оленина как активного участника тайного общества стало известно царю и Бенкендорфу. Но есть основания предполагать, что в числе лиц, посвященных в это дело, был и начальник Главного штаба его императорского величества, князь Петр Михайлович Волконский, близкий родственник А. Н. Оленина.

П. М. Волконский был в это время одним из ближайших доверенных лиц Александра I. В биографическом очерке, посвященном Волконскому, мы читаем: «Он, и он один, кроме „без лести преданного“ (Аракчеева. — *И. Р.*), оставался бесменным другом и спутником Александра. Князь был действительно в полной мере доверенным лицом Монарха до самой кончины его в Таганроге».¹⁸ В 1820—1821 гг., когда царь находился за границей, П. М. Волконский всюду сопровождал его. Все донесения о положении в гвардейских полках шли царю от командира Гвардейского корпуса кн. И. В. Васильчикова и его начальника штаба А. Х. Бенкендорфа через П. М. Волконского, лично докладывавшего обо всем царю. В письмах на имя Волконского Васильчиков и Бенкендорф сообщали о проступках солдат и офицеров гвардии, о предосудительных разговорах, о тайных встречах. Через Волконского царю было сообщено о восстании Семеновского полка и о всех принимаемых по этому поводу мерах. По распоряжению

¹⁷ Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 184, 461.

¹⁸ Биографический очерк генерал-фельдмаршала светлейшего князя Петра Михайловича Волконского. СПб., 1914. С. 19.

Волконского была учреждена Васильчиковым в гвардии тайная полиция для слежки за настроениями офицеров.¹⁹ В письме от 3 декабря 1820 года Васильчиков сообщил Волконскому о завербованном им агенте — библиотекаре Генерального штаба Грибовском,²⁰ а в начале 1821 года — о готовящемся Московском съезде «Союза Благоденствия»,²¹ том самом, который послужит поводом и главной темой для записки Грибовского. Учитывая все эти обстоятельства, трудно себе представить, чтобы записка, хотя и адресованная непосредственно царю, осталась неизвестной Волконскому.

П. М. Волконский был своим человеком в доме Олениных. Вместе с супругой (двоюродной сестрой А. Н. Оленина) и всей семьей по воскресеньям он обедал у Олениных²²

Сам А. Н. Оленин в это время тоже занимал важный государственный пост: будучи статс-секретарем Государственного совета, он исполнял обязанности государственного секретаря. Участие сына в тайном обществе не только грозило опасностью ему самому, но могло разрушить и карьеру отца.

Мог ли царедворец П. М. Волконский в таких обстоятельствах не предупредить близкого ему человека о предсудительном в глазах царя поведении сына и о грозящей ему опасности?

Записка Грибовского была представлена царю в конце мая 1821 года, а 25 июля было написано письмо Крылова А. А. Оленину с двумя баснями и с припиской А. Н. Оленина. Содержание басен «Плотичка» и «Овца» удивительно соответствуют той ситуации, в которой находился А. А. Оленин, во всяком случае только так мог понимать эту ситуацию его отец. Конечно же, верноподданный Алексей Николаевич не мог представить своего сына серьезным заговорщиком. (Как выяснилось впоследствии, он и не был таковым. После роспуска «Союза Благоденствия» никакого участия в движении декабристов он больше не принимал). Алексей Николаевич мог расценить его участие как легкомысленную шалость, романтическое увлечение, однако увлечение опасное, от которого следовало предостеречь немедленно.

Написать обо всем прямо, называя вещи своими именами, было невозможно, сведения о «Союзе Благоденствия», конечно же, были государственной тайной. И крыловские басни пришлись как нельзя кстати. Для того чтобы у Алексея не возникло никаких сомнений в том, что басни посылаются ему не просто для прочтения, что их мораль адресована ему лично, Оленин и Крылов и придали письму такой необычный вид. Своей припиской отец показал, что письмо послано по

¹⁹ Русский архив 1875 Кн 1 С 339—359, Кн 2 С 44—98, 419—465

²⁰ Там же Кн 2 С 437

²¹ Там же Кн 2 С 442

²² И А Крылов в воспоминаниях современников М, 1982 С 158

его инициативе «Не будь Плотичкой, не будь Овцой», — внушал он сыну

Не исключено, что обе басни были написаны специально для А. А. Оленина. Во всяком случае, никаких данных о существовании этих басен до 25 июля 1821 года не имеется. Правда, о басне «Плотичка» В. Ф. Кеневич сообщает, что «по словам В. А. Олениной, Крылов написал эту басню для одного из племянников Елизаветы Марковны,²³ Полторацкого, который умер в молодых летах»²⁴ Но это сообщение вызывает серьезные сомнения. Варвара Оленина составила для того же Кеневича по его просьбе письменные примечания к басням, о которых она что-либо знала (так, она сообщила, что басня «Соловьи» была написана «для батюшки Алексея Николаевича», а басня «Ягненок» для ее сестры Анеты).²⁵ Но «Плотичка» в этих примечаниях не упоминается, почему-то о ней В. А. Оленина сообщила только устно. Варвара Алексеевна оставила воспоминания о своем знакомстве со многими декабристами,²⁶ однако ни единого слова о причастности к движению ее родного брата Алексея в этом рассказе нет. Очевидно, эта тема была запретной в их семье (особенно после бесславной гибели А. А. Оленина — он был убит в 1855 году своими крепостными)²⁷ Так что безымянный Полторацкий мог быть назван для сокрытия истинного адресата басни.

Но каков бы ни был непосредственный повод написания басен «Плотичка» и «Овца», смысл их появления в письме к А. А. Оленину кажется мне очевидным. А. Н. Оленин и И. А. Крылов осудили участие Оленина-младшего в тайной организации и призвали его к благоразумию.

Очевидно, письмо возымело действие. Во всяком случае, А. А. Оленин вскоре отошел от движения, уехал за границу и в восстании на Сенатской площади участия не принимал.

Однако сам факт принадлежности к тайному обществу был столь компрометирующим обстоятельством, что 14 декабря страх за судьбу Алексея, возможно, был главным чувством, которое пережил А. Н. Оленин, и этим, быть может, объясняется та резкость, с которой он отозвался об участниках восстания, чуть было не погубивших его сына.

И Крылов в доме Олениных не мог отозваться о них иначе при подобных обстоятельствах, тем более что само восстание,

²³ Е. М. Оленина, урожденная Полторацкая, — супруга А. Н. Оленина

²⁴ Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова СПб, 1868 С. 208

²⁵ Литературный архив, издаваемый А. А. Картавовым СПб, 1902 С. 73—77

²⁶ Письма В. А. Олениной к П. Бартеневу в кн. Декабристы. Летописи М., 1938 Кн. 3 С. 483—491

²⁷ См. об этом в стихотворении Н. А. Добролюбова «Дума при гробе Оленина» (Добролюбов Н. Стихотворения СПб, 1948 С. 8—24)

попытку изменить жизнь насильственным путем, он, как и Оленин, отвергал.

Поэтому рассказ В. А. Олениной об осуждении Крыловым восставших, вероятно, вполне точен, это воспоминание, а не интерпретация. Но высказывания 14—15 декабря, конечно, не отражают всей сложности отношения к декабристам как Оленина, так и Крылова. Поражая восстание, оба они глубоко сочувствовали многим осужденным, рассматривая события 14 декабря как трагедию.

Три года спустя, 30 сентября 1828 года, младшая дочь Оленина Анна записала в своем дневнике: «Боже мой, какая радость! вчера приехали папенька и братья, и вот их хорошие и худые новости: 1) что с них сняли цепи, 2) что Муравьев Александр Николаевич сделан начальником в Иркутске. Все чувства радости проснулись в душе моей: они свободны, хоть телом свободны. Но, увы, жалея о них, горя об их ужасной участи, я не могу не признать, что рука всевышнего карает их за многие дурные намерения».²⁸ Нет сомнения, что Анна здесь выражает не только свое мнение, но и мнение отца и братьев.

Думается, что таким же было мнение Крылова.

²⁸ Цявловская Т. Г. Дневник Олениной // Пушкин Исслед и мат Л., 1958 Т 2 С 276